

МОЯ ВОЙНА

MY WAR

Ковалёва Инна Сергеевна, психолог экзистенциального направления, онкопсихолог, игровой терапевт, k_inna@list.ru
Inna Kovalova

Аннотация: Война без спроса и разрешения вошла в жизнь семьи. Отобрала дом, Родину, опору. Наполнила жизнь страхом неизвестности, сбила ориентиры, спрятала надежду, растянулась в чувстве временности. Разорвала реальность в невозможности принятия и смирения с собственным и общим болезненным разрушением и, одновременно, созиданием. Она же, война, в пустоте и мраке пробудила чувство благодарности и исцеления, расширила грани восприятия жизни и смерти, беспомощности и надежды, не смотря, ни на что. Подарила встречи с людьми, их опытами, наполненными одновременно, и обречённостью, и верой. Заставила задуматься над тем, кто ты и с чем идёшь по жизненному пути.

Abstract: Disease of my country is my pain. Without any permission, war came into the family life, taking away home, native land and support. It filled lives of people with fear of uncertainty, mixed objectives, concealed hope and dragged on in time. The war brought ambivalent phenomena in lives of people. On the one hand, it caused inability to accept individual and common abnormal destruction and, at the same time, creation. On the other hand, this war revealed gratitude and recovery in emptiness and darkness.

In emptiness and darkness this war has awoken the feeling of being grateful and healed, extended our perception boundaries of life and death, helplessness and hope no matter what. It gave us a gift to meet people, to know their experiences, full of doom and belief at the same time. It gave us a push to think who we are and what we are doing on our life way.

Ключевые слова: потеря жизненных ориентиров и опор; страх неизвестности; отсутствие надежды; невозможность принятия реальности и смирения с ней; чувство временности; рак-болезнь отношений; разрушение и созидание; чувство благодарности; дети-сироты; брошенные старики; паллиативные дети; любовь и одиночество; страх смерти; «ангел» и «святой человек»; хоспис-концентрация любви; встреча с Богом; надежда вопреки.

Key words: loss of life's guiding lines and support; fear of unknown; absence of hope; incapability of reality acceptance and humility with it; feeling of temporality; cancer-disease of relationship; destruction and creation; feeling of gratitude; children-orphans, abandoned elderly people, palliative children, love and loneliness, fear of death, "angel" and "saint", Hospice – concentration of love, meeting with God, hope no matter what.

Моя война
Подарок-Посвящение от моего пациента

*Две эти истины просты,
Ибо
Всегда есть место
Для спасибо и прости.*

Н.А. Якимов

Болезнь моей страны — моя боль

Мы обустроивали пространство для жизни из хлама. Хлама, который для хозяев этой комнаты над гаражом — памятный атрибут прошлых лет. На ручку коляски шестидесятого года выпуска мы вешали одежду. Спали на сгорбленном диване сороковых годов прошлого века. Старая лампа с абажуром пыталась освещать темноту комнаты. А сама комната сделана перевёрнутой английской буквой V и ходить ровно, во весь рост, можно только по прямой, вдоль помещения. Шажок вправо или влево — нужно наклоняться. Когда я впервые поднялась в этот наш новый дом, чувство вины придавило. Создалось ощущение, что я возвращаю в своём ребёнке позицию раба: ходи, пригнувшись, говори тихо, свет лишний раз не включай, воду не лей, на улицу не выходи, по лестнице не шагай. Сделай вид, что тебя здесь нет, чтобы, приютившие, не решились попросить беженцев найти другое убежище.

Страшно за сына, чтоб не сломался. Взрослому можно понять, что ситуация временная, выход будет найден, нужно переждать, перетерпеть.

Пятнадцатилетнему подростку сложно оказаться полностью оторванным, выброшенным из привычной жизни, без друзей и видения хоть какого-то будущего. Нужно окончить 11 класс и заново определяться в полной неопределённости. Временного понятия этого временного переселения нет. Настроиться на какой-то определённый срок и выждать его, нет ресурса. Через неделю, через месяц, к новому году. Эта попытка растягивается в сроке и отсутствии конечной, конкретной даты возвращения в родной дом, становится испытанием.

Ориентиры потерялись, дезориентировались. Полная дезадаптация стала приводить к болезненному внутреннему состоянию: беспокойному блужданию мыслей и планов, смятению. Потерялись, разрушились цели.

Смысл планируемого ранее обесценился, а новые желания не появлялись. Что-то планировать даже не хотелось тут, в чужой стране, так как надежда вернуться назад огромная, и всё проис-

ходящее кажется не постоянным. А значит — пройдёт. Эта надежда и усугубляет процесс создания чего-то другого в новом месте. Пусть даже и временного.

Из всего этого возникла пустота, которая пожирала всё изнутри, заполняя собой каждую клеточку.

Можно назвать эти клетки растерянности раковыми, так как они заставляли отождествляться с самим страхом и уже каждое вымолвленное слово или подуманная мысль несли в себе только боль, истощение, разруху, мрак и беспросветность.

В самом начале казалось, что война пройдёт мимо и не коснётся меня. Я продолжала работать, с любовью делала своё дело, отдавалась работе и своим детям. Когда люди в военной форме впервые вошли в стены школы-интерната для детей-сирот, было жутко. Взрослые мужчины удивлялись, почему в комнате чувствуется напряжение. Им, почему-то, в голову не пришло, что люди с оружием, ворвавшиеся в дом, не пробуждают у детей чувство радости или улыбки. От нелепости слов и планов этих властителей становилось не по себе: куда они могут нас привести?

Раньше, до войны, всё было чётко и ясно. И вообще — всё было.

Ты постигал жизнь и самого себя. Мечтал, планировал и действовал. Сейчас ты потерялся сам, и потерялись смыслы.

Ты получил жёсткий вызов. Ты растерян и можешь фокусироваться только на этой боли. Сознание самопроизвольно сужается, желания отсутствуют, и смысл не видится ни в чём. Ты хочешь одного — домой. Но именно это не достижимо...

И приходит отчаяние, отсутствие надежды. Хочется что-то сделать, а не знаешь, что. Очень хочется разместить адресно свою агрессию и даже необходимо это сделать, но не знаешь того конкретного гада, который решил ради своей выгоды убивать людей, стирать города и деревни с этой красивейшей части мира — Украины, с плодороднейшей земли Донбасса.

В этом много беспомощности и бессилия. Потерялась твоя опора, и нет надежды её обрести. Конечно, это временно!

И где-то в глубине души ты это понимаешь, но нет принятия данной ситуации: ни принятия войны, как таковой, как факта и данности, нет принятия своей беспомощности. Как ни осознавай, но невозможно принять то, что люди убивают друг друга, убивают детей и уничтожают свои дома.

Вынести эту действительность можно. Но где брать силы? Чужбина есть чужбина, а война продолжает уничтожать народ. Она идёт на двух фронтах одновременно: на внешнем, и внутри каждого из нас.

Тут начинается естественный отбор на человечность.

Сразу проявляются те, кто может поддержать, выслушать, подарить не хватающую чашку. И те, кто даже не звонит, объясняя: «Мы так переживаем о вас, так вас жалко, что звонить, сил нет! Бедные вы, бедные». Другие с удивлением слушали наши планы возвращения домой, и смотрели как на дураков. Как объяснить людям, что душа болит о доме и хочется в родной край... Несмотря ни на что.

Трудно подстроиться под чужой город и его ритм, такой не похожий на твой. Как заставить себя тратить пять часов в день на дорогу до работы и обратно.

Такое драгоценное время жизни уходит впустую. Как не естественно, не правильно ненавидеть людей в транспорте. Толкаться в ответ, дышать этим спёртым, пропитанным всеми запахами, воздухом. Все протесты объяснимы. Остаётся вопрос: для чего, если я этого не просила?

Через два месяца мой внутренний плач и по-прежнему не принятие ситуации вылился в простуду, которая не забирала у меня жизнь, но очень осложняла её. Ощущение потери всего усугублялось отсутствием сил, слабостью и полным отсутствием желаний, кроме одного — спать, спрятавшись под одеяло. Надышать под ним и греться.

Утро хотелось прогнать.

Становилось холодно и на улице, и в доме. Эти темнота и холод блокировали желание выбраться из дома.

Просить помощь оказалось большим и сильным испытанием. И не потому, что не могу это сделать.

А потому что заложена программа — просить нужно только в случае, когда, прям, умираешь и не можешь ничего сделать. А если жив и ходишь своими ногами просить стыдно. Подруга привезла теплое одеяло, а я не могла его взять. Ведь у меня всё есть! А оказывается, что ничего нет. Думать об этом грустно. Подруга тогда сказала: «Инна, я не знаю, что тебе говорить. Если что-то нужно, скажи, я помогу, чем смогу. Но, если ты не против, я хочу быть рядом с тобой столько, сколько тебе это будет необходимо... Просто так. Быть».

Я и мама сидели за столом напротив друг друга. Нужно было принять решение: кто поедет в Донецк за тёплыми вещами. Там продолжают бомбить. Там война. Поезда не ходят, и передать вещи нет возможности, а тут нет возможности их купить на всю семью.

— Поеду я! — твёрдо сказала моя мама.

— Нет. Ехать надо мне. Я быстрее смогу сориентироваться и решить все вопросы.

— Если не дай Бог, с тобой что-то случится, ребёнок останется сиротой. Мы с отцом хоть что-то успели прожить.

— Мама! Со мной ничего не случится!

Пауза затянулась. Мы не могли смотреть в глаза друг другу. Нам приходилось принимать решение: кого отдавать в жертву, кого мы пошлём на возможную смерть. И это в 21 век... Голубь, дикий голубок, который жил в нашей семье 5 лет, найдя спасение от когтей кошки в руках моего сына, не выдержал взрыва соседнего дома и умер. У него разорвалось сердце. Сейчас сердце рвётся у каждого украинца, россиянина, у каждого, кто любит свой дом.

Всё это напоминает мне болезнь. Рак. Это болезнь отношений. Поедание себя, не переживание обиды и вины, не прощение, не принятие. Как говорит мой Учитель А.В. Гнездилов: «Рак-это психологический тупик, выход из которого ведёт в смерть». Моя страна находится в тупике. Она больна. Раковые клетки слишком быстро расползаются по её телу, её территории.

Болеет огромная семья украинцев. А её граждане, как дети, становятся реагирующей стороной в этом болящем доме. Зачем же Бог заставляет страдать своих детей? Зачем, для чего дети умирают?

Хочется надеяться, что этот тупик приведёт к смерти наших страхов, агрессивных амбиций, безнадёжности и отсутствия веры. Пускай и вторичная выгода будет существовать в этом заболевании моей Родины — это будет рождение готовности нести ответственность за свои помыслы и поступки. Пускай и благодарность будет в адрес этой болезни — благодарность тем людям, которые остались людьми.

Новое начало

В этом мы и начали свою новую жизнь в новом месте, в новой стране в комнате над гаражом.

Через несколько дней пребывания в Москве, где мы и оказались, уехав из любимого Донецка, волею судьбы я попала в первый московский хоспис имени В.В. Миллионщиковой. Все пути и отношения, прежние творения привели именно сюда. Всплыли семинары, которые организовывала в Санкт-Петербурге в Лахтинском хосписе, позвонили люди, которые проживали встречу со сказкой в Замке Сказочника, профессора А.В. Гнездилова. Всё, что делала раньше, сегодня дарило свою поддержку.

Как всегда, всё не случайно. В юности, я не хотела быть врачом. Хотела быть медицинской сестрой. Тогда казалось, что врач — это фигура достаточно недосыгаемая, божественная, в какой-то степени. Он делает важное дело, но весь труд, весь уход за пациентом ложится на медицинскую сестру. Она знает место боли и как её унять. Она ближе к болящему человеку, знает, как ему можно помочь и делает это. С этими мыслями я планировала поступать в медицинское училище, много готовилась и два года работала санитаркой в хирургическом отделении нашей местной больницы.

Утки я не выносила. Мне было доверено измерение температуры и ведение температурного листа всех пациентов и гнойного отделения в том числе. Я часто присутствовала при операциях. Как-то хирург, мамин друг, который и взял меня под своё могучее, врачебное крыло, видя мой интерес, в момент операции спросил:

— Доця! Тебе не страшно?

— Неа! Поковыряться хочется!

Однажды после операции мне доверили «транспортировку» ампутированной мужской ноги в крематорий. Это было больше двух десятилетий назад, а тяжесть той ноги я помню до сих пор.

Удивлению не было предела — как одна часть нашего тела, один орган, может быть таким тяжёлым!?

Тогда я даже не могла предположить, что придёт время и мне придётся столкнуться с ранами моих пациентов.

Случится так, что и утки придётся выносить, и памперсы менять, и перевязки делать, и ногти стричь, и мыть и обтирать тело болящего человека, и кормить с ложечки, и отсасывать жидкость из трахеостомы и маленького детского носика. Придётся отслеживать реакцию малыша только по движению его глаз и грудной клетки при искусственном дыхании на аппарате ИВЛ. Придётся утешать, вместе играть и смеяться, вместе плакать, и многое, многое другое. Не спрашивайте, отчего всё именно так произошло. Мне нужно было выживать в чужой стране, спасти саму себя и быть опорой сыну. Иностранец, не приглашённый, не ожидаемый гость, беженец — это тяжёлое ярмо.

Всё не случайно... Опыт работы в хирургическом отделении сегодня помогает видеть внешние страдания, переживаемые, претерпеваемые пациентом. Образование психолога помогает видеть и чувствовать внутреннюю боль человека, возможные её причины и пути выхода. Журналистика не даёт покоя и заставляет писать. Отношения, построенные в жизни и люди, дарят свою поддержку и надежду на выживание, помогают Быть.

Когда я впервые вошла в двери московского хосписа, прошла его коридорами, появилось стойкое ощущение, что я нахожусь в детском саду.

Поделившись этим впечатлением с главным врачом, услышала, что раньше это здание принадлежало детскому дому, и жили здесь дети-сироты. Дети, с которыми я работала в Донецке в школе-интернате для детей сирот и детей, лишённых родительской опеки. Со своими детьми я ездила в хоспис Донецка проводить стариков. Это были встречи одиноких и брошенных сердец: с одной стороны — старики, оставшиеся без попечения, любви и заботы своих жестокосердных детей, а с другой — интернатские дети, лишённые жестокосердием своих родителей любви и заботы, надежды и опоры в жизни. Своим детям я помогала искать внутри себя стержень, свой, настоящий и держаться за него.

Многие спрашивали тогда, не боюсь ли я хосписа и почему, работая с детьми, всё равно возвращаюсь в это место и везу туда детей?

Попав впервые в хоспис и пережив там важные минуты, я стала воспринимать саму смерть по-другому. Сейчас для меня не актуален вопрос о страхе смерти. Для меня важен вопрос, как прожить жизнь так, чтобы умереть на любящих руках... Чтобы эти любящие руки оказались рядом в нужное время...

Теперь мне предстояло работать со стариками, которым держаться больше нет за что. Но именно этот отсутствующий смысл и нужно найти, хотя бы на несколько оставшихся дней жизни.

Со-чувствие — совместное чувствование чужой боли — есть облегчение боли страждущего. Ты сам в этот момент общения, разделяя чувство страха, неомощности, неизвестности, очищаешься внутри — через проживание, через сострадание, через соприкосновение. И больной, ребёнок ли это или пожилой человек, когда ты рядом, понимает, что он не одинок. Он чувствует, что ты разделяешь его боль с ним.

Истина оказалась простой: чтобы помочь ближнему, нуждающемуся, человеку, не нужно уметь делать что-то специальное, для этого не нужно много времени. Забота о ближнем — это наша любовь и доброта. Это способность прикоснуться и почувствовать боль и страдание другого. Наше чистое намерение подарить минуты своего времени тому, кто в них нуждается, всегда найдёт отклик в душе. Теплые слова и простое присутствие становятся настоящим, и может быть, самым лучшим лекарством для болеющего. И никто не ответит точно на вопрос, для кого из нас эта встреча важнее.

Война разрушает, и война создаёт. Проверяет людей на духовную вшивость, душевную гнилость, сердечную пустоту.

Болезнь дарит исцеление через трансформацию внутренних осознаний и физических страданий, а они очищают и освещают нас.

Война открывает возможности — я смогла выучиться, стать онкопсихологом, игровым терапевтом. Во время учебного упражнения «Картина жизнь», так спешила утвердиться в этой, создаваемой с таким трудом и преградаминовой жизни, что вместо «Есть я», написала «Естя». Сейчас я осознанно говорю себе: «Я есть!» Сейчас говорю спасибо своим родным и любимым людям, друзьям. Говорю спасибо коллегам за научение и добрые напутствия. Говорю спасибо своим дорогим пациентам. С кем-то из них мы прожили несколько месяцев, с кем-то один день. Но каждая минута, проведённая вместе — это отдельная жизнь. Настоящая.

А ещё война дарит подарки — эти встречи с людьми. Пусть через боль, страдание, пусть через смерть.

Я пришла в чудесную семью, где уходил отец. Светлый, добродушный, открытый человек. Он держал меня за руку. Мы молчали. В этой тишине что-то рождается. Только не спрашивайте меня «что?» Это такой момент, когда нельзя говорить. Надо просто быть вместе. В его глазах блеснула слеза.

— Ну...

— Нет, нет. Я ничего... Я держусь...

Тут не удержалась я и спросила:

— Можно спросить: за что вы держитесь?

— ...за надежду...

Мы обнялись. На меня смотрели пылающие слезами глаза дочери, мечущейся в агонии эфемерной надежды, страхе потери, попытке убежать от видения и принятия реальности и глаза моего пациента, моего друга, в которых уже зарождалось состояние блаженства. Того самого, перед уходом.

Потом, во время учёбы нужно было написать свои ассоциации. Было две буквы «н», но я не написала слово надежда.

Когда заметила, вспомнила своего пациента, который на пороге смерти держался за надежду, а я оказалась сейчас без неё.

В этом моя агония надежды и реальность, которую так же не хочется видеть и признавать...

Мы все — недолюбленные дети своей страны, своей семьи, своих родителей. Мы все скитаемся в пространстве бытия. Кому-то легче, кому-то хуже. Любой из нас проходит свой путь катарсиса, взросления, становления. Страна — семья через гражд-

дан-детей, человек через каждую встречу и ситуацию. Но каждый придёт к себе домой.

Я стала писать рассказы о хосписе и пациентах, о тайне, которая рождается в процессе нашего общения, в процессе этой, сейчас-ной жизни. В ней заключён смысл трёх слов: «Помоги мне, пожалуйста». Кто-то скажет эти слова, кто-то не сможет, кто-то не успеет сказать. Что на это ответить ты?

Конечно, это...

Дети вернулись и в мою московскую жизнь. Но снова не обычные, а самые чудесные и особенные. Была игровая терапия и психотерапия горя в выездной службе детского хосписа. Были занятия с Ромашкой, который находился в вегетативном состоянии, но как только слышал мой голос в дверях, открывал на секунду глазки. Этого ребёнка я никогда не смогу забыть. Казалось, я играла сама с собой. Без любви здесь не выжить, без неё делиться человеку нечем и негде брать силы и вдохновение. И когда Ромашка давал свою обратную связь, это было чудо чудесное вопреки всему. Главное было — заметить эти маленькие ответы.

Не забыть Тёмку, который не говорил, не ходил, но чувствовал так, что не нужны слова. Не забыть, что полтора года ушло на то, чтобы Юличка смогла зафиксировать свой взгляд на моём лице. Влад Митрофанов — геройский парень, силой своей воли помогавший мне находить смысл в каждом дне.

Бывало, на занятиях от радости успеха детворы хоть прыгай, иногда от грусти неудач хоть рыдай. Вот Андрюшка сам держит пластилиновый шарик, Вадим делает песочную и пластилиновую картины, Вильям смог поднять руки и сам растопырил пальцы, Джулия сделала свой выбор и настояла на нём, Танюшка придумала новую игру, с радостью используя зубы, Данька катался с горки, а Тёмка заливался смехом, хоть и без голоса. А манюсенькая Эмми, ребёнок со спинальной мышечной атрофией, смогла глазками показать, единственным органом, подчиняющимся ей, что ей нравится «снимать» с моего носа красный клоунский нос. Конечно, я всё делала их руками.

И, конечно, любая, едва заметная, ответная реакция ребёнка — это радость. Понимаешь, что ничего нельзя ждать, но надежда остаётся всегда и снова вопреки.

Удивительные в своём восприятии мира паллиативные дети, особенные дети с множественными органическими нарушениями и ещё удивительнее их родители и семьи. Ставшие, в одночасье взрослыми здоровые сиблинги, мамы, брошенные всеми и в оди-

ночку сражающиеся за жизнь своих детей и редкие отцы, нашедшие в себе силу и мужество оставаться в семье.

Когда мне пришлось уйти из выездной службы детского хосписа, где отработала полтора года, друзья спросили, что мне дал хоспис, за что я ему благодарна? Хоспис подарил любовь к людям и уважение к их боли, подарил чувство благодарности. Хоспис позволил прожить нелегкий, но важный опыт, когда тебя воспринимают «ангелом», «святым человеком».

Знаете, я видела людей в таких состояниях, что, пожалуй, простите мне мою смелость высказывания, могу сказать, у меня не осталось страха: есть понимание, чувствование — за всем этим стоит не боль, не смерть, не ужас, за этим всегда только Человек! Хоспис — это концентрация любви и благодарности, это самый истинный апогей Жизни.

Однажды, благотворитель с грустными глазами сказал мне, имея в виду сотрудников хосписа: «Ну, вы то сразу после смерти попадёте в рай...» А мне так хотелось научиться создавать рай внутри себя, внутри своего сердца, в своих намерениях, мыслях и действиях уже сегодня, сейчас.

Мой профессиональный и жизненный путь удивителен на встречи с людьми. В них приходит ясное понимание и чувствование, что без личного нет общего. В соучастии, в соприкосновении двух душ рождается что-то, что даёт силы преодолеть. Чувствуешь, что ничего невозможного нет. Но нет границ и преград только там, где есть любовь, где ты не одинок.

Любовь к жизни, к своему делу, к человеку, к Богу. Любовь ко всему живому и не живому, что тоже есть живым. Именно любовь даёт жизнь, и именно она освещает тьму.

Сперва, я пришла к брошенным детям или не брошенным и не всегда сиротам, но ставшим не нужными и не любимыми своими родителями.

Потом к брошенным старикам или не совсем брошенным, но ставшим лишними для своих детей.

Потом к умирающим в хосписе взрослым и сгорающим в агонии надежды их близким.

Там состоялись мои встречи со смертью и её сторонами — радостью от долгожданной встречи с Богом и жуткий страх неизвестности.

Дальше были встречи с больными и умирающими детьми и жаждающими спасения и исцеления для них их родителями.

Был сложный период безработицы из-за отсутствия российского гражданства, но я нашла в нём смысл, снова ища душевно-

го равновесия в обидной несправедливости происходящего — дописала книгу о детях-сиротах, истории которых жили в моей душе четыре года. Я уверена, что эти месяцы были даны мне именно для завершения прожитого. Прожитое надо закрывать, благодарить и отпускать.

В это время я пришла на собеседование, устраиваться няней в семью. Отец девочки спросил, чем я горжусь в своей профессиональной практике. Я горжусь тем, что вместе с подругой Еленой Гервиц мы создали по просьбе мальчика Саши небольшой фильм, который помог ребёнку обрести семью. Ребёнку, со статусом четверного сиротства.

И это, кстати, в период острейших боевых действий на Донбассе. На вопрос о том, кому я больше всего благодарна я тоже ответила: я благодарна за два мои главные благословения в жизни — мою маму и моего учителя, А. В. Гнездилова. Не знаю, чем заслужила, но мне повезло с семьёй, сыном и друзьями. Няней меня тогда не взяли, сказали, что я должна заниматься «своим» делом. И началась новая полоса жизни, не менее глубокая и насыщенная.

В Донецке по-прежнему идёт война. Она не прекращалась ни на минуту за эти годы... В моем интернате живут «новые» сироты и уже «дети войны», есть среди них и «молодые ветераны». В хосписе Донецка продолжают жить и доживать брошенные и нищие старики, и люди продолжают с любовью делать своё дело.

Сейчас я работаю с людьми преклонного возраста с их богатыми жизненными историями и ещё большими страхами, и волнениями. Этот опыт открывает новые грани взрослости и детскости одновременно. И, сколько бы лет не было человеку, какого бы уровня жизни он не достиг, какая бы болезнь не съедала его личность, каждому есть о чём сожалеть, кого благодарить и кого любить.

Знаете, что помнит 90 летняя женщина? «Мама несла меня маленькую на руках. Мне так это нравилось! Тёпленько так было, приятно! Я к её плечу прижималась и дула, дышала на него, чтоб и ей тепло было, и чтоб она меня и дальше так несла... Это такие мои соображения были...» Конечно, это бесценно.

Как бесценно для меня то, что на кровати этой 90 летней женщины лежит листок бумаги, где корявыми буквами написаны имена пальцев рук, которые мы вспомнили на занятии, а она учит каждый день, чтоб не забывать, и только видя меня, направляет свои скрюченные пальчики мне в лицо и пытается проговаривать их имена.

Иногда, в моменты сильной усталости или наоборот, вдохновения, я задаюсь вопросом, зачем мне всё это чувствовать и знать? Зачем проживать эти, порой не выносимые, моменты, когда реаль-

ность другого человека уплывает у тебя на глазах, а ты смотришь на это и по большому счёту, ничего не можешь сделать? Противостоять деменции, Альцгеймеру, страху, болезням, старости, смерти невозможно. Хотя, нет! Мы можем многое. Действительно можем, но только, когда мы не одиноки!

Все эти встречи были и есть полны одновременно и обречённостью, и верой.

Сегодня я спрашиваю — зная все эти грани жизни и приближающейся смерти, какого мне самой будет, когда стану старушкой и придёт моё время умирать? Будет ли мне ещё страшнее, или чужой опыт встречи с Блаженством поможет и моей встрече с Богом состояться? И вообще, допустят ли меня к Богу?

В пестроте будней, кажется, не думаешь обо всём этом, но в глубине души закрадываются мысли о неизбежности всего и новых встречах во Вселенной. Оставшись живой под обстрелами, уцелев в жуткой аварии, убегая от разрыва снарядов, видя и признавая свою беспомощность, эти вопросы рано или поздно поселяются в душе хоть на один миг.

То, что происходит со мной сегодня, конечно Чудо и начало воплощения мечты. Пусть маленькими шагами при больших планах, но это путь, это реализация дарованных мне ранее даров.

Конечно, это радость встреч с человеком. С его болью и страхами, одиночеством и отсутствием любви, со страстным желанием признания его самого и его достижений. Это поиск ресурса и веры в себя каждого из нас.

Конечно, это моя собственная не проходящая и не уменьшающаяся тоска по любимому дому и детская попытка создать свой мир в чужом мире, свой дом в чужом доме.

Конечно, это отклик и помощь удивительных людей, близких мне по духу, намерениям, полёту души и восприятию явного и истинного.

Конечно, это мои собственные боль и страхи, одиночество и желание любви.

Конечно, это моё собственное острое желание быть нужной.

Конечно, это моё желание — Быть!

Конечно, это благие дары моих учителей!

Конечно, это благословения моих отца и матери, моего дорогого учителя!

Конечно, это моя наивная и искренняя вера Божественному!

Конечно, это любовь!